

X-29

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

ХАЧИКЯН Маргарита Леоновна

ДИАЛЕКТЫ ХУРРИТСКОГО ЯЗЫКА

Специальность 10.02.22 - Языки народов зарубежных стран
Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА 1978

Диссертация выполнена в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР

Научный руководитель — доктор исторических наук И.М.Дьяконов.
Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, профессор Т.В.Гемкрелидзе
кандидат филологических наук А.А.Королев.
Ведущее учреждение: кафедра истории стран Древнего Востока при восточном факультете ЛГУ

Защита состоится на заседании специализированного совета по филологическим наукам Д.003.01.03 при Институте востоковедения АН СССР " " _____ 1978 г.

Адрес Института востоковедения АН СССР — Москва, Армянский пер. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института востоковедения АН СССР (Москва, ул. Жданова, 12).

Ученый секретарь специализированного совета по филологическим наукам Института востоковедения АН СССР
кандидат филологических наук

Ю.Я.Плам

Институт востоковедения АН СССР, 1978

Хурритский язык — язык одного из крупнейших культурных народов древнего Востока. Немногочисленные, но довольно разнообразные по характеру памятники на хурритском языке — тексты религиозного содержания, письма, словарные списки, фрагменты литературных и мифологических текстов — относятся в основном ко II половине II тыс. до н.э. (исключение составляют строительная надпись из Уркиша конца III тыс. до н.э. и заклинания из Мари и Вавилонии, дошедшие до нас в записях XVIII-XII вв. до н.э., но восходящие, возможно, к более раннему периоду) и происходят из различных районов Передней Азии — Северной Месопотамии, Вавилонии, Угарита, Хеттского царства.

Несмотря на почти столетнюю историю изучения хурритского языка и значительные успехи в области хурритологии, особенно за последние десятилетия^I, известно значение немногим более 500 слов, грамматика ясна лишь в общих чертах, и мы еще очень далеки от полного понимания хурритских текстов. Это объясняется: скудостью материала, почти полным отсутствием билингв, недостаточной изученностью единственного родственного хурритскому урартского языка.

Однако даже при нынешних наших знаниях о хурритском языке уже при поверхностном рассмотрении хурритских текстов становится ясным, что они отражают не единый литературный язык, а пучок диалектов, на что до недавнего времени не уда-

^I Ср. труды Э.А.Спайзера, И.Фридриха, А.Каменхубер, Э.Лароша, И.М.Дьяконова, Ф.Хааса, Г.Вильгельма и др.

лялось достаточно внимания.

Между тем изучение хурритских диалектов не только может помочь в раскрытии содержания хурритских текстов, но и может дать многое для конкретизации истории северных областей древней Передней Азии.

Реферируемая работа посвящена изучению хурритских диалектов.

Цель работы - дать картину диалектного членения хурритского языка.

Основные задачи работы:

- 1) составление сборника хурритских текстов, в наибольшей степени поддавшихся интерпретации на современном уровне знаний;
- 2) выяснение отдельных вопросов хурритской грамматики;
- 3) выделение диалектных различий рассматриваемых хурритских текстов.

В работе подробно разбираются тексты по следующим диалектам: "уркишскому", "угаритскому I", "вавилонскому", "митаннийскому" и "угаритскому II" (названия диалектов условные и даны по названию места, откуда происходят соответствующие письменные памятники).

Представителем древнейшего, "уркишского" диалекта хурритского языка является датированная староаккадским временем (XXIV-XXII вв. до н.э.) строительная надпись (AO 19937-19938) жреца (или жрицы) Уркиша (сев. Месопотамия, совр. Телль 'Амуда) Тишари (или Тишадал), изданная А.Парро и

Ж.Нугейролем² и обработанная И.М.Дьяконовым.³

Отличительными чертами этого диалекта являются:

1) наличие утраченного в позднейших диалектах указательного местоимения *halle* "(вот) тот". В близкородственном урартском языке, известном нам по памятникам I тыс. до н.э., ему соответствует местоимение *ale*, выполняющее функции как указательного, так и относительного местоимения. В нашем тексте *halle* употреблено в функции первого (ср. *anne* в других диалектах), в то время как в роли последнего здесь выступает *(j)emeni* "(тот), который";

2) наличие двух субъектно-объектных местоименных частей 3 л. ед.ч.: неизвестной в других диалектах, за исключением "вавилонского" (см. ниже), *-ш*, употребляемой с формами "индикатива", и *-п*, употребляемой с формами нереальных наклонений;

3) наличие, как и в урартском, двух показателей переходности: *-i-* и *-u-*. Последний в более поздних хурритских памятниках не засвидетельствован;

² A.Parrot - J. Nougayrol, Un document de fondation hourrite - "Revue d'Assyriologie" (далее RA) 42, 1948, стр. I-20.

³ И.М.Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 444-446; он же, Hurrisch und Urartäisch (далее HuU), München, 1971, стр. 110-111.

4) построение формы переходного глагола 3 л. ед.ч. "индикатива" по урартскому образцу: основа + показатель переходности -и + объектный показатель.

"Угаритский I" диалект - условное обозначение языка шумерско-хурритской билингвы (RS 8 + II) из Угарита (совр. Рас-Шамра), отличающегося от языка других текстов, найденных там же.

Этот текст представляет собой шумерско-хурритский вариант одного из предшественников шумерско-аккадской словарной серии HAR-га : hubullu . Впервые издан Ф.Тиро-Данженом,⁴ вторично опубликован (в транскрипции) И.Фридрихом⁵, переиздан и обработан автором⁶.

Наиболее примечательным в хурритском языке данного текста являются формы на -i/u/a $\bar{z}$ a (+ -d/tte), эквивалентные шумерским глагольным или причастным формам. Несмотря на отсутствие видимого порядка в их употреблении, можно все же заметить, что на -i $\bar{z}$ a оканчиваются формы по смыслу переходные, а на -a $\bar{z}$ a и -u $\bar{z}$ a - формы, по смыслу не переходные (ср.

⁴ F.Thureau-Dangin, Vocabulaire de Ras-Shamra - "Syria" 12, 1931, стр. 225-266.

⁵ J.Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, Berlin, 1932, стр. 149-155.

⁶ М.Л.Хачикян, Шумерско-хурритский словарь из Рас-Шамры как источник по шумерской диалектологии - "Вестник древней истории", 1975, № 3, стр. 21-38.

показатели переходности -i , непереходности -a и состояния -o в хурритском и урартском языках). По-видимому, мы имеем здесь дело с причастиями, которые в данном диалекте, в отличие от других, оформляются путем присоединения к показателю переходности/непереходности/ состояния элемента - $\bar{z}$, употребляемого в других диалектах лишь с "герундиальными" ("супинными"?) формами на -ae/- $\bar{e}$. Конечный гласный в этих формах, по-видимому, не произносился или произносился как нейтральный.

Неясно значение частицы -d/tte , присоединяемой к формам на -V $\bar{z}$ a . Примечательно, что им соответствуют шумерские глаголы с "префиксом спряжения" mu- , в то время как формы без -d/tte соответствуют шумерским причастиям или глаголам с префиксом i- . Эти шумерские префиксы, возможно, связаны с направлением действия или с соотношением между действием и основным лицом, которому посвящено повествование.

Предположение о том, что формы на -V $\bar{z}$ a - причастные, подтверждается фактом оформления их множественного числа путем присоединения к форме единственного числа субъектно-объектного местоимения 3 л. мн.ч. -l(la) , что характерно именно для причастий.

Отрицание в "угаритском I" диалекте выражается: а) прибавлением частицы -ma , очевидно, к основе глагола, а не к форме на -V $\bar{z}$ a ; б) присоединением частицы -kk(a) к форме на -V $\bar{z}$ a . Это тоже говорит в пользу того, что формы на -V $\bar{z}$ a

- причастные (ср. отрицательную частицу -kk- , присоединяемую к причастным формам в "угаритском П" диалекте.

Показатель дестинатива -е в данном диалекте (соответствует шумерскому окончанию направительного падежа -šè) идентичен, по всей вероятности, показателю -а (без слияния предшествующего тематического гласного -i- , в отличие от показателя статива -а) в других диалектах. Последний выполняет функцию локатива в "митаннийском" диалекте (ср. enna-zuž tižī-jāz-a-an ...tadaštiden "и боги в (= -а-) своих (= -jāz-) сердцах пусть любят", Mit. I₇₈) и функцию дестинатива в "угаритском П" и "малоазийском"⁷ диалектах (ср. ašbolummeagandijama šadandija enumaššija "жертвоприношение для/ради agandi ,и для/ради šadandī ,(и) для/ради enumaššī" , "Ugaritica " (далее Ug) У, стр. 500, RŠ.24.26I,4-5; enumaššija itkalzija (širanti) "для/ради enumaššī , для/ради очищения (они совершают возлияние)", KUB XV 31 П 22.

Видимо, речь идет о показателе, выполняющем первоначально функции как локатива, так и дестинатива, но утратившем в более поздних диалектах одну из этих функций.

В качестве других особенностей "угаритского I" диалекта можно отметить:

I) притяжательное местоимение 3 л. ед.ч. -dā, при -ja//e в других диалектах;

⁷ "Малоазийский" диалект, ввиду относительно большого объема и большой разрозненности представляющего его материа-

2) оформление "инфинитива", как и в "малоазийском" диалекте, посредством суффикса -ae//ue , в отличие от "митаннийского" и "угаритского П" диалектов, где предпочтение отдается формам на -umme .

"Вавилонский" диалект - условное обозначение языка найденных на территории Мари⁸ и Вавилонии⁹ хурритских текстов. Все они, за исключением Mari 6 (литературного текста в форме диалога неясного содержания) и Mari 7 (фрагмента письма) являются неканоническими заклинаниями от зубной боли, змей и т.д., что видно из колофонов на шумерском или аккадском языке.

В диссертации рассматриваются заклинания, поддавшиеся, хотя бы частично, интерпретации и переводу (Mari I, Mari 2, Mari 5, VS 17/NF 1 5, VS 17/NF 1 6).

ла, автором специально не изучался, однако, данные по этому диалекту учитываются в диссертации.

⁸ См. F.Thureau-Dangin, Tablettes hourrites provenant de Mâri - RA 36, 1939, стр. 1-28; E.Laroche, Fragment hourrite provenant de Mâri - RA 51, 1957, стр. 104-106. Тексты Mari 1, 2, 5 обработаны автором: Из старохурритских заклинаний - "Древний Восток" 2, Ереван, 1976, стр. 251-264.

⁹ См. J. van Dijk, Nichtkanonische Beschwörungen und sonstige literarische Texte - "Vorderasiatische Schriftdenkmäler 17, Neue Folge 1 (далее VS 17/NF I), Berlin, 1971, №№ 5, 6. Обработаны автором, ук.соч.

Главной особенностью "вавилонского" диалекта, отличающей его от других хурритских диалектов, является употребление при причастиях субъектно-объектного местоименного элемента 3 л. ед.ч. $-b$, сохранившегося в более поздних диалектах только в именах собственных как архаизм (ср. $Un-a-b-$, $Ag-a-b-$, $Ha\bar{z}-i-b-$ и др.). Примечательно, что этот элемент встречается в причастиях на $-i$ (переходных, или, точнее, переходного действия) и на $-a$ (непереходных, или непереходного действия), но не в причастиях на $-o$ (состояния). Этот факт свидетельствует о том, что $-b$ является показателем субъекта действия (переходного и непереходного) но не состояния, а следовательно, о наличии в "вавилонском" диалекте противопоставления "действие - состояние", что следует расценивать как пережиток активного (по Г.А.Климову), или фиентивно-стативного (по И.М.Дьяконову) строя в хурритском языке. В позднейших хурритских диалектах смысловая грань между показателями непереходности и состояния стерта, и глаголы противопоставляются по признаку переходности-непереходности, что характерно для языков эргативного строя.

Наличие в "вавилонском" диалекте субъектно-объектного местоименного элемента $-b$ сближает его с урартским языком, в котором этот элемент ($-b\bar{a}$) сохранился в глаголах, возникших из непереходных причастий, и вошел в систему спряжения непереходного глагола в качестве окончания 3 л. ед.ч.

Возможно, что местоименная частица $-m$, присоединяемая к "индикативной" форме глагола в "уркишском" диалекте, является фонетическим вариантом $-b$.

Другой особенностью "вавилонского" диалекта, сближающей его с урартским языком, является употребление форманта множественного числа $-id-$ (в данном диалекте чередуется с $-u^{(n)}d-$) не только с "юссивными", как в остальных диалектах, но и с "индикативными" и причастными формами. Ср. $pa\bar{b}a-na\bar{z}u\bar{z}$ $aduda$ $\bar{s}ewena\bar{z}u\bar{z}$ $nudunda$ "горы $ad-$ уют, воды $nud-$ уют" (Mari 5,8-9); $hi\bar{z}udo$ $urra$ " uri (мн.ч.) находятся в состоянии $hi\bar{z}-$ " (VS I7/NF I 5,6).

Исходя из того, что $-id-$ занимает в глагольной словоформе 5-ую позицию¹⁰, перед окончанием "императива-юсвива" (ср. $ri\bar{s}\bar{s}-id-i/e-n$ "пусть они $ri\bar{s}\bar{s}-$ уют", Mari 5,16) или личными показателями в "индикативе" (ср. $ad-ud-a$ "горы $ad-$ уют", Mari 5,8), то есть как бы входит в основу глагола, в отличие от форманта $-za$ (ср. показатель множественного числа $-a(\bar{z}-)$ в именах), следующего непосредственно за личными (ср. $ur-aw-\bar{z}a...$ "мы желаем...", Mit. I80), можно предположить, что $-id-$ первоначально выражал "масовость действия".¹¹

Вышеуказанные особенности свидетельствуют о некоторой архаичности "вавилонского" диалекта (начало II тыс. до н.э., если не ранее) по сравнению с более поздними.

"Митаннийский" диалект представлен единственным письмом митаннийского царя Тушратты фараону Аменхотепу III (XIV в. до н.э.), написанным по-хурритски (переписка велась на

¹⁰ Ср. И.М.Дьяконов, *HuU*, табл.5.

¹¹ Ср. Г.А.Климов, Очерк общей теории эргативности, М., 1973, стр. 184.

аккадском языке). С этого памятника началось изучение хурритского языка¹², и, благодаря большому объему (более 500 строк), прекрасной сохранности (почти полное отсутствие лакун), наличию квази-билингв (аккадская корреспонденция Тушратты), исключительно последовательной орфографии и минимальному количеству писцовых ошибок, он долгое время оставался главным объектом изучения хурритологов.

В диссертации анализируется отрывок из этого письма, в наибольшей степени поддавшийся интерпретации (Mit. IY_{I-57}).

Ниже будут приведены некоторые наблюдения, сделанные нами в результате подробного анализа данного текста.

В тексте засвидетельствованы следующие типы придаточного определительного предложения, вводимого относительным местоимением *ija//e-* "(тот), который":

I. *ije-ma//e-nin*(-*nna*) V, где *-ma//e-* - субъектно-объектное местоимение 3 л. ед.ч. (генетически связано с указательным местоимением *ma-na*), соответствующее не выраженному в предложении (а) или выраженному субъектно-объектным местоимением 3 л. ед.ч. *-nna* (б) определяемому слову, V - сказуемое придаточного предложения. Ср.:

а) *ije-me-nin**kebaneda* "то, что он пришлет" (П₆₃);

б) *ije-ma-nin**Maneššan* (**Mane-š-nna-an*) *kuleda* "то, что Мане-то скажет" (IY₂₇).

¹² Первое издание в клинописи: H. Winkler-L. Abel, Der Thontafelfund von el Amarna - "Mitteilungen aus den

П. *ija-lla//e-nin N-na* V+*-šše+na*, где *N-na* - определяемое слово, выраженное именем во множественном числе абсолютном падеже (показатель *-na*), *-lla//e-* - соответствующее ему субъектно-объектное местоимение 3 л.мн.ч., *-šše+na* - соотносительная (номинализирующая) частица *-šše* + перенесенное окончание определяемого слова. Ср.: *ija-lle-nin tiwe-na* *kadoša-šše+na* "те слова, которые он сказал" (IY₃₁).

Отсутствие соотносительной частицы *-šše* в типе I следует, видимо, объяснять тем, что эта частица ставится при глаголе придаточного предложения лишь в тех случаях, когда при нем, в соответствии с правилами согласования, необходимо повторение флексии определяемого имени. В тех же случаях, когда определяемое имя не имеет флексии, необходимость в форманте *-šše* отпадает. Ср. аналогичную картину с соотносительно-определятельной частицей *-ne* в именах: *tiša-man šeniffuwe* "и сердце (абс.п.) моего брата" (IY₃₂), но *Mizirre-we-ne-š ewri-š* "Египта господин (эрг.п.)" (I₃₅). Однако при отсутствии относительного слова *ije-* частица *-šše* необходима как единственный показатель придаточного предложения, ср. *aštin* *šeniffuwenen tišanna šira+šše* "жену, которая подходит сердцу моего брата" (IY₃₄).

Придаточное дополнительное предложение оформляется, по-видимому, посредством частицы *-šša* (*-āše* + показат.

тель статива -а ?), присоединяемой к сказуемому придаточного предложения. Ср. ... Kelijan Manennan ḥaṣoṣaw itta-
-ssa "я услышал, что Келия и Мане пришли" (П₇);palaw
ḥeniffuṣ-teonae tiṣṣan tiṣṣan tadya-ssa "я знаю, что мой
брат очень-очень любит" (Ш₉₁₋₉₂).

В хурритском языке имеют две формы (полную и усеченную) не только субъектно-объектные местоимения -n(на) "он/его",
-l(la) "они/их", -dil(la) "мы/нас", как на то указал
В.Фарбер¹³, но и окончание I л. ед.ч. "индикатива": -aw и
-affa. ¹⁴ Усеченная форма -aw употребляется в абсолютном
конце слова (граф. -a-ú) или перед полной формой субъектно-
объектного местоимения 3 л. ед.ч. -nna (граф. -a-un-na-a-),
ср. ḥa-ṣu-u-ša-ú [ḥaṣoṣaw] (П₇) и ḥa-ṣu-u-ša-un-na-a-an
[ḥaṣoṣawnnan] (IV₆). Полная форма -affa употребляется
перед усеченной формой субъектно-объектного местоимения 3 л.
ед.ч. -n (граф. -a-ú-ú-un), а также в отрицательной форме
глагола, независимо от того, что за ним следует (граф. -uw-wə,
-uw-wu-un-na-a-an), ср. ḥi-su-ú-ḥu-ši-uw-wə [ḥisoṣozi-
offa] (IV₃₃) и ú-ú-ri-uw-wu-un-na-a-an [urioffunnan]
(IV₅₆) и др.

Каков характер конечного гласного в -affa в абсолютном
конце слова, неясно. Не исключена возможность, что u в

¹³ Ср. W. Farber, Zum einigen Enklitika im Hurrischen-
"Orientalia", 40, 1971, стр. 43.

¹⁴ Природа согласного в этом окончании неясна, позицион-
но он звонкий в усеченной форме и глухой в полной.

этом окончании (р. выше urioffunnan) чередуется с е.
Ср. чередование u//e в генетически связанном с глаголь-
ным окончанием притяжательном суффиксе I л. ед.ч. -iffa.
В последнем имеем u перед падежными показателями (ср. ḥe-
niffu-ē, passim), перед усилительной частицей -nni/e
(ср. turḥartiffu-nni/e, IV₃₇), а также перед -n(на) (ве-
роятно, субъектно-объектным местоимением), но только в име-
нах, выступающих в обстоятельственной функции (ср.ḥa-
lavan aṣtiffu-nna ari/e "сестру твою в качестве моей же-
ны дай", I₅₁). Во всех остальных случаях имеем гласный е,
ср. tiṣṣiffe-n "мое сердце-его (пусть он не огорчит)",
Ш₉₅; ḥeniffe-nna-an "и мой брат - он (если скажет)", IV₄₅.

Огласовка u//e в этом суффиксе, вместо обычной для
хурритских местоимений огласовки a//e (ср. anna/e,
-ma//e-, -lla//e-) объясняется предшествующим губным
согласным.

Употребление в данном тексте имен в абсолютном падеже
с субъектно-объектным местоимением -n(на) в обстоятель-
ственной функции (ср. aṣtiffu-nna "в качестве моей же-
ны", I₅₁; ḥukkanne-n padi tiwene-n "даже отдаленным сло-
вом", IV₃₂₋₃₃), по-видимому, можно объяснять тем, что абсо-
лютный падеж в языках эргативного строя приближается по
своей функции к аккузативу языков номинативного строя, а для
последнего употребление в обстоятельственной функции - обыч-
ное явление.

Все модальные наклонения в хурритском языке условно мож-
но разделить на две группы: так называемые "яссивные" (по-

казатели $-i/e(-n)$ и $-ae(-n)$ или $-ae-\bar{z}$) и "условные" (показатель $-ewa$). При глаголах первой группы подлежащее (субъект переходного действия) ставится обычно в эргативе (ср. $\bar{se}niffu\bar{z} \text{ ari/en}$ "мой брат пусть даст", III₉₆; $\bar{se}niffu\bar{z}-\bar{ban} \text{ pallaen}$ "и мой брат пусть знает", IV₁₀₈); глаголы же "условных" наклонений эргатива не требуют, то есть не являются собственно глаголами (ср. $\bar{se}niffennan \text{ hillolewa}$ "если мой брат скажет", IV₄₅).

Ввиду того, что изучение и описание хурритского языка велось в основном на материале митаннийского письма, выделение особенностей "митаннийского" диалекта свелось бы к перечислению противостоящих ему особенностей других диалектов, что делается по ходу изложения в соответствующих главах работы. По этой причине автор не останавливается на особенностях "митаннийского" диалекта. Следует, однако, отметить чрезвычайно широкое применение в нем энклитических частиц ("ассоциативов", по Э.А.Спайзеру) — черту, характерную для хурритского языка вообще, в отличие от урартского, но наиболее развитую именно в "митаннийском" диалекте.

"Угаритским II" диалектом условно называем язык хурритских памятников из Угарита. Сюда не относится, как уже говорилось выше, язык шумерско-хурритского словарного списка (RS 8+II), названный нами "угаритским I" диалектом.

"Угаритский II" диалект представлен текстами, написанными как местной квази-алфавитной¹⁵, так и обычной сло-

¹⁵ Ср. A. Herdner, Corpus des tablettes en cunéiformes alphabétiques, découvertes à Ras Shamra-Ugarit de 1929

говой¹⁶ клинописью.

Первую группу текстов составляют:

- а) списки богов, которым приносится жертва;
- б) обращения и воззвания к богам;
- в) разные: молитва (?), каталог ритуальных текстов (?), фрагменты религиозных текстов неясного содержания.

Вторая группа текстов представлена:

- а) аккадско-хурритской билингвой, содержащей две сентенции этико-религиозного содержания;
- б) любовными (или культовыми любовного содержания) песнями, сопровождаемыми музыкальной записью, в своем большинстве фрагментированными;
- в) фрагментами многоязычных (шумерско-аккадско-хурритско-угаритских) словарных списков.

à 1939, Paris, 1963, № 166-183; E. Laroche, Textes hourrites en cunéiformes alphabétiques - Ug.V, Paris, 1968, стр. 497-518.

¹⁶ Ср. J. Nougayrol-E. Laroche, Le bilingue accado-hourrite - "Le Palais Royal d'Ugarit" (далее PRU) III, Paris, 1958, стр. 311-324; E. Laroche, Textes hourrites - PRU III, стр. 327-335; он же, Textes hourrites en cunéiformes syllabiques - Ug. V, стр. 462-496; J. Nougayrol, Vocabulaires polyglottes - Ug.V, стр. 230-251.

В диссертации рассматриваются следующие тексты:
RS 24.278 (воззвание), RS. 24.644 (обращение), RS 15.30+49
(песня) и RS.15.10 (аккадско-хурритская билингва).

Насколько можно судить по сохранившимся материалам,
"угаритский П" диалект обнаруживает наибольшее сходство с
"митаннийским" и особенно с "малозийским" диалектами.

Среди особенностей "угаритского П" диалекта можно отме-
тить наличие в нем отрицательной частицы -kk- (ср. ḥanaš-
tekki "не родит (букв.: не рожающая)", PRU III, стр.311,
RS. 15.10,9; manokko "нет", Ug.V ,стр.232; № I30,7), из-
вестной и в "угаритском I" диалекте (ср. ḥiliṣuk(k)i "он
не сказал", Voc.I₁₆).

По-видимому, суффикс -kk- имеет и иное, не отрицатель-
ное значение. Э.А.Спейсер предполагает для него итеративное
значение.¹⁷ Это предположение тем более вероятно, что суффикс
-kk- входит в состав ряда существительных, обозначающих
лиц или деятелей (nomina actoris), ср. aḥḥoṣikkonne
"жертвователь", amimikkonne "жрец, совершающий сожжение?",
taḥakka "человек" (ср. taḥe , с тем же значением).

Видимо, мы имеем дело с омонимами или с близкими по зву-
чанию формантами, передаваемыми на письме одинаковыми сред-
ствами.

Другой особенностью "угаритского П" диалекта, присущей
и "угаритскому I", но не известной в других диалектах, явля-
ется наличие в нем суффикса (очевидно, глагольного) -d/tte(-)
с неясным значением.

¹⁷ Ср. E.A.Speiser , Introduction to Hurrian , New Ha-
ven , 1941, стр. 144 слл.

Остальные расхождения данного диалекта с другими от-
носятся в основном к области морфонемики (ср. окончание
I л. ед.ч. "индикатива" -aw? и -o? в "угаритском П" и
"малозийском" диалектах, при -aw в "вавилонском" и "ми-
таннийском").

Сопоставление данных хурритских диалектов и урартского
языка приводит автора к следующим выводам: дошедшие до нас
хурритские диалекты можно разделить на три группы:

- 1) "уркишский" диалект, представляющийся архаичным (что и
не удивительно, поскольку памятник, которым он засвиде-
тельствован, относится к III тыс. до н.э.), обнаруживающий
черты, отличающие его от остальных диалектов хурритского
языка, но сближающие с урартским языком (I тыс. до
н.э.);
- 2) "угаритский I" диалект, стоящий особняком. Его от всех
иных хурритских диалектов выделяет архаизм, что следует
из того факта, что в "угаритском I" диалекте вместо
спрягаемых форм широко применяются причастия как для
глаголов переходных, так и для глаголов непереходных,
в то время как в прочих хурритских диалектах для выра-
жения переходного действия применяются, наряду с
причастиями, и спрягаемые формы глагола.

Отдельные черты сходства "угаритского I" диалекта с
"угаритским П" (ср. отрицательную частицу -kk- , суффикс
-d/tte) можно, по-видимому, объяснить территориальной
близостью, хотя факт находки единичного текста, представ-

ляющего "угаритский П" диалект, именно в Угарите, сам по себе еще не доказывает, что и распространен он был именно здесь.

3) остальные диалекты - "вавилонский", "угаритский П", "малоазийский", "митаннийский".

В последней группе наиболее архаичным является "вавилонский" диалект (ср. элемент -b в причастиях), а митаннийский, в частности, судя по широкому распространению в нем ассоциативов, более редких в других диалектах, дает наибольшее число инноваций.

Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения.

Во введении приводятся краткие сведения о хурритах, о месте, занимаемом ими в истории и культуре древней Передней Азии, излагаются история и современное состояние хурритологии, обосновывается выбор темы, формулируются задачи работы.

В пяти главах работы анализируются тексты по следующим хурритским диалектам: "уркишскому" (глава I), "угаритскому I" (глава II), "вавилонскому" (глава III), "митаннийскому" (глава IV), "угаритскому П" (глава V).

Основные выводы по работе даются в заключении.

К работе приложена сопоставительная таблица хурритско-урартских диалектов.

Основное содержание диссертации отражено в работах:

I. Шумерско-хурритский словарь из Рас-Шамры как источник по хурритской диалектологии - "Вестник древней истории", 1975, № 3, стр. 21-38.

2. Из старохурритских заклинаний - "Древний Восток", 2, Ереван, 1976, стр. 251-264.

3. Хурритский диалект в угаритской версии словаря ḫar-ra: ḫubullu - "История и филология древнего Востока (XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН. Краткие сообщения)", Москва, 1976, стр. 20-21.

4. О хурритских диалектах - "Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания", часть 2, Москва, 1977, стр. 76-78.